

СМУТА, КАЗАКИ И ГОРОДА НА «ПОЛЬСКОЙ УКРАИНЕ»: ОБ ОДНОМ АСПЕКТЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НАЧАЛА XVII В.

А.В. Фоминов,
г. Луганск

В данной статье высказана версия об особой роли населения городов «польской украины» в событиях Смуты. Вводится понятие «бывшие степные казаки» и предпринята попытка доказать их существенное влияние на события гражданской войны начала XVII века. Кратко представлен обзор в историю формирования данной подкатегории служилых людей в украинских городах, а также приводится статистика по удельному весу в общей численности населения. Затронуты вопросы их идентификации из общей массы служилого населения; особенности правового и социально-экономического положения.

Ключевые слова и фразы: Смута, казаки, «полевые» города, Лжедмитрий, беломестные казаки, поместные казаки, жилые казаки, тушинский вор, Лжепетр, донские казаки, донецкие казаки, волжские казаки, терские казаки, яицкие казаки

Несмотря на большое количество исследований эпохи Смуты, из объектива историков выпала определенная социальная группа, о которой далее пойдет речь, – это те степные атаманы и казаки, принадлежавшие к казачеству различных рек: Дона, Донца, Волги, Яика, Терека, которые до наступления Смуты поселились в украинских городах Русского государства. Поскольку отнести их к какой-либо одной подкатегории служилого казачества (поместным, жилым, беломестным) невозможно, для их обозначения мы будем использовать термин «бывшие степные казаки».

Другим важным аспектом нашей статьи будет рассмотрение их влияния на Смуту в связке с «польскими» или «полевыми» (т. е. построенными на Поле – прим. А.Ф.) городами, где данная социальная группа была представлена максимально широко.

Чтобы доказать важность исследования участия бывших степных казаков, поселившихся в украинских крепостях, в событиях Смуты, следует прежде всего начать с оценки масштабов их интеграции в служилую среду, о чем достаточно красноречиво говорят множество документов начиная с 1559 г.¹

Определить удельный вес казачьих корпораций в общей численности служилых людей украинских городов достаточно сложно по причине того, что бывшие казаки часто растворялись в служилой среде, иногда переходя в другую категорию служилых людей «по прибору», а иногда поверставшись в низшую степень служилых людей «по отечеству» – детей боярских. В подтверждение сказанному приведем несколько подобных фактов.

Сбежавший в 1594 г. воронежский беломестный казак Савелий Железная Баба в дозорной книге г. Оскола 1615 г. уже значится в слободе пушкарей и затинщиков. В 1613 г. царю Михаилу Федоровичу бил челом донской казак Парфен Федорович Прокудин о выдаче ему ввозной грамоты на старое поместье в Оскольском уезде. В оскольской дозорной книге 1615 г. он записан в категории детей боярских, без каких-либо указаний на казачье прошлое. Статус сына боярского в Ливнах в 1615–16 гг. имел атаман Кондратий Миляев². В 1613–14 гг. белгородец Федор Филатов значится в приходо-расходных книгах Казенного приказа в качестве атамана, а согласно дозорной книге г. Белгорода 1616 г. он уже находится среди детей боярских³. Не исключено, что и отец атамана Михаила Баловнева, сбежавший в 1594 г. из Воронежа, и относившийся к корпорации беломестных атаманов, впоследствии перешел в дети боярские г. Белгорода (подробности чего будут нами высказаны ниже).

В 1630 г. было направлено несколько царских указов об организации станичной службы: в Белгороде предписывалось выбирать в станичные атаманы из жилых атаманов, а в Осколе и Валуйках – из жилых казаков⁴. Типичный пример этому – валуйский станичный атаман Давид Васнеев, который по писцовой книге 1626 г. имел двор среди станичных атаманов в Царегородской слободе, а при окупе его послами в 1631 г. сказался казачьим атаманом⁵. В Белгороде донецкие казаки иногда получали статус гулящего или торгового человека. Яркий пример тому Жадка Горбун, двор которого в белгородской писцовой книге 1626 г. записан в

слободе торговых и мастеровых людей, затем в 1633 г. в списке осадных сидельцев г. Белгорода он зафиксирован как донецкий казак, а позднее, в 1639 г., в документации по делу о краже меда у чугуевского сотника проходит уже в качестве севрюка-гулящего человека⁶. В 1624 г. валуйский воевода рассматривал судное дело двух донецких казаков: Кирилла Поряднина и Андрея Брянца. Первый из них, согласно писцовой книге г. Валук в 1626 г. проживал в остроге во дворе своего отца, полкового казака Федора Поряднина⁷. В 1640 г. он уже числится станичным ездоком⁸.

Касаемо личной свободы, мы с полной уверенностью можем говорить, что у бывших степных казаков этот статус не изменялся после поселения в крепостях или уездах⁹. Несмотря на широчайшие права, идентичными с вольно-казачьими их назвать нельзя, и вот по какой причине: при переселении в пограничные крепости, казак выходил из юрисдикции казачьего присуда, и становился подсудным воеводе. Яркий пример этому вышеуказанное спорное дело двух донецких казаков, которое рассматривал валуйский воевода.

В отличие от обычных служилых городских казаков, бывшие степные некоторое время сохраняли в своей иерархии должность атамана. Предоставлялись бывшим казакам и существенные экономические привилегии, главной из которых можно признать отсутствие необходимости платить налоги и сборы. Такие казаки назывались беломестными (белодворцами). Как правило, селили их городские власти обособленными беломестными слободами. Приведем несколько подобных примеров. Не позднее осени 1592 г. в Ельце уже поселились 30 донских казаков во главе с атаманами Михаилом Антоновичем Шлыком и Русинко Дробышевым (Клушиным). Правительство не удовлетворяло столь малое количество бывших степных казаков и оно приказало атаманам прибрать еще 70 человек, чтобы в итоге пришлось по 50 человек на одного атамана. Стоит отметить, что часть из донских казаков до этого женились и сеяли хлеб на Епифани¹⁰.

Следующий подобный пример встречаем в воронежских документах за 1594 год. Так, в частности, Василию Медведю (его должность не указана, но есть основания полагать, что он сам был из бывших степных атаманов) было приказано набрать в Воронеже 200 атаманов и казаков, а сотнику Проньше Фролову 100 чело-

век волжских и донских атаманов и казаков. В итоге последнему удалось набрать лишь 50 человек: 10 атаманов и 40 казаков, которые были поселены отдельной слободой¹¹.

Наиболее массово беломестное казачество было представлено именно в Воронеже. По данным дозорной книги 1615 г. в уезде располагалось 4 беломестные слободы: Ступино, Излегоще, Боровое, Усмань-Собакино и одна в самой крепости. Также согласно дозорной книге «на атаманских и на казацких на придаточных землях деревни, в тех деревнях дворы атаманские, казацкие поставлены на приезд, да за ними ж живут бобыли, пашют их же землю»¹². О таких фактах есть свидетельство в отписке воронежских воевод Василия Третьякова и Прокофия Воейкова от 1623 г.: «с Дону атаманы и казаки на Воронеж приезжают и на Воронеже зимуют»¹³. Говоря о численности казаков в этих слободах приведем данные дозорной книги 1615 г. и десяти 1621/22 гг. Согласно первому источнику количество беломестных атаманов и казаков в Воронеже оценивается в 262 человека¹⁴. Десяти 1621/22 гг. фиксирует: беломестных атаманов Воронежа – 62 человека; беломестных атаманов села Боровое – 14 человек; атаманов села Излегоще – 16 человек; атаманов села Ступино – 24 человека; атаманов села Усмань-Собакино – 69 человек. Итого беломестных атаманов – 185 человек¹⁵.

Теперь приведем данные о бывших степных казаках по другим «полевым» городам, которых возможно вычленил из общей численности служилого населения. Согласно оскольской дозорной книге 1615 г. в городской беломестной слободе проживало 46 терских казаков, в селе Голубино 23 оскольских казака станицы атамана Парфена Андреевича Денюхина, и в городской беломестной слободе его же станицы 12 казаков. Общая численность «беломестцев» на Осколе в 1615 г. – 81 человек. Кроме этого здесь проживало 189 человек «жилецких» атаманов и казаков¹⁶. При строительстве крепости Царев-Борисов в 1599 г. из Оскола было отправлено донских атаманов и казаков 97 человек¹⁷. К сожалению из текста документа нельзя однозначно понять были ли это поселившиеся в Осколе казаки, или они там находились в качестве временного воинского контингента.

Одним из немногих полевых городов, по которому сохранились писцовые материалы за период правления Годунова, является Белгород. В его отдельной книге 1599 г. зафикси-

рованы следующие группы казаков, которых можно однозначно отнести к бывшим степным: 5 «жилицких» атаманов и 250 казаков «Ефимова приказу Есипова» (из которых на момент составления отдельной книги 1 атаман и 50 казаков еще не были набраны); 40 атаманов и 240 казаков, зачисленные в качестве станичных голов и ездоков (детей боярских) соответственно¹⁸. Подтверждение связи жилых белгородских казаков с донским казачеством находим далее по тексту отдельной книги: «донским атаманом и казаком даны места под огороды за рекою за Донцом вниз по Донцу от атаманских огородов и от казацких, которым ездити в станицы»¹⁹. Возможно именно их из Белгорода правительство направило в 1599 г. на строительство Царева-Борисова в количестве 189 человек²⁰.

Помимо этого встречается информация о передаче юртов Донецкой волости от путивльских оброчников донецким казакам, «которым быти на Донце по перевозам от татар и от черкас беречи»²¹. Впоследствии дворы представителей и этой группы казаков оказывались в черте белгородской крепости. Яркий пример этому – атаман Михаил Чепелев. По отдельной книге 1599 г. ему и его казакам отдан в безоброчное владение Бабкинский юрт²². По дозорной книге 1615/16 г. М. Чепелеву и еще двум атаманам отданы на оброк Тюндиковский и Балаклеяский юрт, и далее по тексту книги он указан как донецкий атаман²³. И только в писцовой книге 1626 г. среди дворов «тарговых, и мастеровых, и гулячих людей» зафиксирован двор вдовы М. Чепелева²⁴.

Учитывая общую численность служилых людей Белгорода по отдельной книге 1599 г. в 590 человек, бывшие степные казаки составляли в ней 75%. После Смуты этот показатель претерпел существенные изменения. Так, дозорная книга г. Белгорода 1615/16 гг. фиксирует беломестную слободу «на посаде», а в ней 1 атаманский двор и 12 дворов казачьих; кроме этого в Белгороде проживали 53 волжских казака, в том числе 3 атамана, 81 жилой казак, включая 3 атаманов²⁵. А.Л. Станиславский, ссылаясь на белгородскую писцовую книгу 1626 г., утверждал о поселении здесь в царствование Бориса Годунова 3 волжских атаманов и 150 казаков²⁶. Но это свидетельство нельзя назвать бесспорным. В отдельной книге Белгорода 1599 г. упоминаний о волжских казаках нет, а численность этой группы казаков в 1615/16 г. в три раза ниже. Если обратиться к тексту писцовой кни-

ги Белгорода 1626 г., то там согласно «скаске» волжских казаков и стрельцов идет речь о выделении земельных окладов для 3 волжских атаманов и 150 казаков, а не о факте их поселения в таком количестве²⁷. Приведенные выше данные отдельной книги 1599 г. свидетельствуют, что иногда земля выделялась заранее. О дате поселения в Белгороде волжских казаков точных сведений нет, но можно однозначно утверждать, что они здесь появились не ранее 1599 г. и не позже 1603 г., когда писцы Михаил Юшков и Кузьма Хвощинский дали им неполный оклад²⁸. Впрочем, если допустить реальность факта поселения в Белгороде 153 волжских казаков в правление Бориса Годунова, то уменьшение их численности к 1616 г. можно объяснить участием в событиях Смуты или переходом в другую служилую группу. Аналогичная ситуация, очевидно, произошла и с численностью жилых казаков, которая на 1616 г. сократилась с 204 до 81 человека.

В Ливнах на 1615/16 гг. в беломестной слободе проживало 60 человек, включая казачьего сотника и пятидесятника²⁹.

К сожалению, отсутствуют писцовые и дозорные описания (близкие к эпохе Смуты) по г. Курску³⁰. Лебедянь, как город, был основан в конце Смуты, поэтому история поселения в нем бывших степных казаков не представляет интереса для нашего исследования.

Валуийский город и Царев-Борисов построены всего за несколько лет до начала Смуты, поэтому здесь, очевидно, просто не успели образоваться беломестные слободы. Но в качестве подтверждения фактов поселения здесь бывших степных казаков процитируем ответ Войска Донского на требование правительства Михаила Федоровича привести казаков к присяге в 1632 г.: «не токмо, государи, донских, но и волоцких, и яицких, и терских, выхаживали при бывших царях на украинные города на Белгород, на Царев город, на Оскол, на Валуйку донецкие казаки»³¹.

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению событий Смуты и роли в них бывших степных казаков, а также «польских» городов, где данная подкатегория казачества была наиболее массовым явлением. Вполне логично, что военный поход Лжедмитрия I начался с Северной земли, которая граничила с Речью Посполитой, где после своего бегства из Русского государства находился самозванец. Первыми русскими крепостями на пути Лжедмитрия I оказались

Монастыревский острог и Чернигов. По сообщению одного из иезуитов, принимавших участие в походе, дальнейшее движение войск Лжедмитрия планировалось через леса к Белгороду³².

Однозначно ответить на вопрос: почему маршрут самозванца должен был пролегать именно через этот город – невозможно. Предполагаем, что Отрепьев рассчитывал на поддержку населения как этой, так и прочих «полевых» крепостей. Основания у него для этого, безусловно, были. Так, в 1607 г. русские послы укоряли польских дипломатов, что Счастный Свирский привозил «в северские и в украинные в польские (т. е. «полевые») – прим. А.Ф.) города» письма от самозванца³³. Тем не менее, войско лжецаря в итоге направилось к Новгород-Северскому. Возможно, Лжедмитрий был уверен, что для взятия Белгорода участие его войска не потребуется. Так впоследствии и случилось, но первым из «полевых» городов самозванцу сдался Курск, что можно объяснить его близостью не только к эпицентру восстания – Северщине, но и к главной цели похода Лжедмитрия – Москве³⁴. Произошло это в декабре 1604 г.

Но уже 8 марта 1605 г. иезуиты сообщали, что к самозванцу в Путивль привели связанных воевод из «полевых» крепостей: Белгорода, Воронежа, Оскола, Валук и Царева-Борисова³⁵. Сообщение иезуитов подтверждает «Новый летописец», за исключением Воронежа, вместо которого одновременно с другими городами упоминается Курск³⁶. Через короткое время к Отрепьеву приходит известие о поимке белгородцами царского гонца, посланного местным воеводой в Москву, и о переходе на сторону «царя Дмитрия» оставшихся «полевых» городов: Ельца и Ливен³⁷.

Каким же образом, практически одновременно, в 7–9 городах воеводы утратили власть и были взяты в плен местным населением? Концепция крестьянского («мужицкого») бунта, на наш взгляд, не объясняет почему восстания вспыхнули исключительно в «полевых» городах, и абсолютно не коснулись иных крепостей, в т.ч. весьма близких к «польской Украине» Русского государства, таких, например, как: Данков, Епифань, Пронск, Михайлов, Ряжск и прочих?

Логично предположить, что одну из главных ролей в развитии самозванческой авантюры в украинских городах сыграли осевшие здесь бывшие степные казаки, которые ввиду особого географического положения «полевых», и отчасти северских, крепостей оставались в тесной, мож-

но сказать, неразрывной связи с вольным казачеством. Их заметное участие не ограничилось начальным этапом Смуты, а фиксируется на всем периоде, включая решающие события ее завершения – освобождение Москвы, избрание нового царя, и последовавшие после этого внутренние и внешние конфликты. Остановимся подробнее на рассмотрении тех эпизодов Смуты, которые могут служить прямыми или косвенными доказательствами высказанных нами предположений.

Неоспоримым является тот факт, что первые контакты Лжедмитрия наладились именно со степными казаками³⁸. Благодаря грамоте патриарха Иова к князю Василию Константиновичу Острожскому от 1606 г. мы узнаем, что грамоты (а возможно и знамя) Отрепьев посылал не только на Дон: «к великаго государя нашего украинским людем писал, называючи себе царевичем Дмитрием Углецким, и на Дон и Ворону к донским атаманом и казаком свое сатанинское знамя с литвином Счасным Сверским посылал»³⁹. Безусловно, под «Вороной» здесь следует понимать город Воронеж, где, как мы отмечали ранее, была сосредоточена огромная масса бывших степных казаков, а не реку Ворону, которая к началу XVII в. вряд ли имела сколько-нибудь значительную казачью группировку на территории своего бассейна.

Попадание грамот от самозванца в казачий центр и в один из основных городов «на Поле» обеспечило распространение авантюры далее по южной Украине Руси. Взойдя на московский престол, Лжедмитрий сменил в большинстве городов воевод, в т.ч. и в «полевых» крепостях. Назначенные самозванцем воеводы не успели ему долго прослужить, поскольку он вскорости был убит. Василий Шуйский, согласно разрядным книгам, решил не менять «лжедмитриевских» воевод⁴⁰.

Маршрут движения другого авантюриста, Илейки Муромца, также нельзя назвать случайным. Вполне очевидно, что он должен был пролегать через те города, где существовали очаги смуты или их можно было легко распалить. Путь следования Лжепетра известен из его допроса. Спустившись от Свяжского города по Волге, он перешел на Дон и двинулся сначала вниз по его течению до Монастырского городка, а затем вверх до устья Донца. Далее, проплыв вверх по Донцу около 100 верст, его войско встретил один из путивльцев «Горайном зовут» с грамотой от князя Григория Шаховского, кото-

рый сообщил в ней, что царь Дмитрий жив, идет из Речи Посполитой в Путивль и его к себе призывает. По Донцу войско пришло в Царев-Борисов, а оттуда двинулось в Путивль⁴¹.

Некоторые сомнения в маршруте движения Илейки Муромца вносит «Карамзинский Хронограф», где сказано о появлении его в Воронеже после перехода с Волги по реке Камышинке⁴². Безусловно, показания лжецаревича в данном вопросе имеют перевес перед нарративным источником. Вдобавок к этому заметим, что подтверждение движения войска Илейки через Царев-Борисов можно найти в деле белгородского попа Иева. Служивший до уничтожения города в местной соборной церкви, он вспоминал, как во время появления Лжепетра в Цареве-Борисове «он, Иев, царегородских всяких людей от того унимал и наговаривал, чтоб они против вора стояли, и они его за то хотели убить»⁴³. О приходе Илейки в Царев-Борисов с Дона свидетельствует и «Летопись о многих мятежах»⁴⁴. Нетрудно заметить, что в этих сообщениях отсутствуют какие-либо хронологические ориентиры.

Информация о ряде бунтов в «полевых» городах, относящаяся ко времени движения лжецаревича Петра, также не изобилует точными датами. Так, в частности, в одной из разрядных записей за Смутное время сообщается о том, что «как после Розтриги сел на государство царь Василей, и в полских, и в украинных и в северских городех люди смутились и заворовали, креста царю Василью не целовали, воевод почали и ратных людей побивать и животы их грабить»⁴⁵. Для большинства воевод и голов «полевых» крепостей эти события обернулись настоящей трагедией – многие из них были убиты. Оскольского воеводу Матвея Васильевича Бутурлина вместе с головой Иваном Игнатьевичем Безобразовым убили летом 7114 г.⁴⁶; в Цареве-Борисове убиты воеводы Михаил Богданович Сабуров и Юрий Приимков-Ростовский, а также голова Семен Мальцов⁴⁷ (И.О. Тюменцев без достаточных оснований относит убийство вышеуказанных лиц к осени, хотя в источниках среди лиц, приведенных к Лжепетру в осень, царевборисовские воеводы и голова не упоминаются⁴⁸); ливенского воеводу Алексея Романовича Плещеева летописи называют среди убитых Лжепетром⁴⁹, при этом воеводе передового полка, стоявшему в Ливнах, Михаилу Борисовичу Шеину, повезло спастись – он «утек душою да телом, а животы ево и дворян-

ские пограбили»⁵⁰. Подтверждением убийства в Ливнах дворян Петрушкой может служить сказка Дементия и Елисея Лодыженских⁵¹. Из родословцев известно об убийстве елецкого воеводы князя Григория Тимофеевича Долгорукова⁵². Опираясь на письмо царицы Марии Федоровны Нагой, можно утверждать, что оно совершилось не позднее августа 1606 г.⁵³. Датировку убийства в Белгороде воеводы Петра Ивановича Буйносова-Ростовского по списку одной из разрядных книг 30 июня 7115 г. следует признать ошибочной, поскольку помимо прямого указания на эту дату в тексте присутствуют и другие календарные ориентиры – среда, день памяти апостолов «Силы и Силуяна»⁵⁴. Этот праздник отмечается 30 июля по юлианскому календарю, и на среду он приходился в 7114 г. Эта дата вполне соответствует одному из летописных источников⁵⁵. Помимо П.И. Буйносова-Ростовского в Белгороде были убиты его «товарищи»: Владимир Волконский и Дементий Елизарович Хитрово⁵⁶. Касательно второго из них, выводы Р.Г. Скрынникова, что он был убит при первом Лжедмитрии, видятся нам ошибочными – хотя в родословных росписях этой фамилии сказано, о его убийстве за отказ целовать крест расстриге, однако при этом указано, что он был в товарищах у воеводы П.И. Буйносова-Ростовского, который направлен в Белгород еще Отрепьевым.

Горькой участи своих коллег из «полевых» крепостей удалось избежать только воеводам Курска, Валук и Воронежа. В той же статье И.О. Тюменцева утверждается об убийстве в Курске воеводы Прокофия Семеновича Воейкова, что следует признать ошибкой, поскольку в летописи, на которую ссылается автор, есть упоминание об убийстве его брата – Ивана, а помета «В Курску» из Боярского списка относится только к Прокофию⁵⁷. Непонятно каким образом курский воевода сумел сохранить свою жизнь, но впоследствии (не позднее 30 апреля 1609 г.) куряне добились челом царю Василию⁵⁸. Валуйский воевода Михаил Федорович Аксаков согласно боярскому списку изменил новому избранному царю и затем принимал участие в битвах на стороне самозванца⁵⁹. Служивший с ним головой Сарыч Никитович Линева также перешел на сторону Лжедмитрия, но занял должность дьяка⁶⁰. Вторым валуйским головой, Андрей Ржевский, в 1607 г. принимал участие в обороне Брянска от войск повстанцев, но впоследствии перешел на сторону Лжедмитрия II и погиб⁶¹. Несмотря на то, что в вышеуказанном

боярском списке напротив фамилии воронежского воеводы князя Даниила Ивановича Долгорукова нет пометы «изменил», его участие в осаде Троице-Сергиевого монастыря на стороне «тушинского вора» говорит о переходе на сторону самозванца примерно в тот же период⁶².

Поскольку приведенные выше факты не позволяют сделать однозначных выводов относительно хронологической последовательности между движением Лжепетра и восстаниями в «полевых» и северских крепостях против царя Василия Иоанновича, требуется привлечение дополнительных источников официального характера для поиска решения данной проблемы. В этой связи следует обратить внимание на версию событий, изложенную царским правительством в дипломатических документах посольства Степана Михайловича Ушакова в Крым и переговоров в Москве с польскими посланниками Станиславом Витовским и князем Яном Соколинским. Поскольку описание событий бунта против новоизбранного царя в обоих документах схоже, приведем цитату только одного из них: «Да те ж беглые казаки воры розстригины советники, избывая смертныя казни, учали в польских (т. е. «полевых») – прим. А.Ф.) городех и на Севере вмещати ... будто вор розстрига Гришка Отрепьев ... жив, ... и учал быти меж ими мятеж великой и убивство, воры учали лутчих людей побивати ... А как в тех украинных городех объявилося подлинно, что рострига убит и нигде его нет, и воры казаки и беглые холопы ... учали называти государскими детьми казаков воров: также как ростригу, назвали у себя казака терского детину Илейку сыном великого государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии, а имя ему дали царевич Петр; ... Да иных воров те воры, украинные казаки (курсив наш – прим. А.Ф.), называют государскими детьми розными имяны»⁶³. Возникновение мятежей против царя Василия в «полевых» и северских городах еще до появления Лжепетра подтверждает также И. Масса: «все города были довольны тем, что случилось в Москве, кроме тех, что были расположены по соседству с Польшей и Татарией ..., [жители их] умертвили гонцов, а также сожгли присланные из Москвы письма царя ... И они вслед за собой возмутили еще много других городов, также все Поволжье, также и Астрахань со всеми прилежащими к ней областями ... и призвали к себе в предводители с Волги Петра Федоровича»⁶⁴.

Ко времени правления Василия Шуйского появляется множество отрядов казаков – станиц и, на наш взгляд, ключевую роль в их формировании сыграли бывшие степные казаки, корпорации которых еще до наступления Смуты были довольно многочисленны в северских и особенно в «полевых» городах и уездах. Об этом красноречиво говорят несколько свидетельств: «во всех городех паки казаков из холопей и крестьян намножилося и в каждом городе поделали своих атаманов»⁶⁵; «государя вашего гонец видел, какво в государя нашего государстве пусто: хто пашню похал, те все ныне стали казаки, сами просят жалованья»⁶⁶. Под этими цитатами, по нашему мнению, следует подразумевать формирование станиц из жителей городов и уездов, основой для которых стали проживавшие там атаманы и казаки.

Рассмотрение фактов особой роли жителей «польской» Украины в событиях Смутного времени начнем с детального изучения биографий некоторых атаманов. В работе А.Л. Станиславского особое внимание было уделено атаману М.И. Баловневу, который в событиях до освобождения Москвы от польских интервентов был не слишком известен, но уже после избрания Михаила Романова на престол выдвинулся в качестве лидера протестного движения определенной части казачьих станиц. Касательно биографии атамана А.Л. Станиславский дает максимально полную картину. Для нас наиболее важным моментом здесь является то, что он был сыном беломестного казака, переведенного на службу в Воронеж, и сбежавшего оттуда. Исследователь сделал предположение, что отец М.И. Баловнева после побега вернулся в Данков. У нас есть не менее веские основания считать, что И. Баловнев (возможно даже с сыном) впоследствии осел в одном из «полевых» городов – Белгороде. Так, в частности, в Расходной книге денежного стола Разрядного приказа записан в декабре 1606 г. белгородский сын боярский Иван Баловнев⁶⁷. Дополнительный вес данному предположению придает факт переселения в один из «полевых» городов, бежавшего в 1594 г. вместе с И. Баловневым, другого беломестного казака – Савелия Железной Бабы, который в дозорной книге г. Оскола 1615 г. числится в составе пушкарей⁶⁸. На наш взгляд, версия о происхождении атамана М.И. Баловнева из среды бывших степных казаков «полевых» крепостей является достаточно обоснованной. Попутно заметим, что город Данков также имел

в XVI в. определенную корпорацию бывших степных казаков. На эту мысль, кроме указанных выше персон, наталкивает упоминание в 1592 г. атамана Федора Хорошего, посланного из Данкова провожать на Дон посла Григория Нащокина⁶⁹.

Есть основания предполагать, что один из атаманов, участвовавших в подавлении восстания Баловнева, замеченный в «подмосковной» службе, а также в обороне Москвы 1618 г. – Алексей Жерлицын, также имеет связь с одним из «полевых» городов⁷⁰. В 1628 г. в списке получивших жалованье в г. Валуйки конных стрельцов значится «Свирид Олексеев сын Жерлицын»⁷¹. Ни в работе А.Л. Станиславского, ни в опубликованных источниках, где зафиксирована эта фамилия, данный атаман не записан как донской или волжский. Важно подчеркнуть, что валуйский воевода М.Ф. Аксаков принимал активнейшее участие в движении Лжепетра⁷², и вряд ли это была только его личная инициатива; очевидно, что в самозванческую интригу было вовлечено большинство служилых людей этой крепости.

На связь с «полевыми» городами еще одного атамана, имевшего непосредственное отношение к восстанию Баловнева, также обратил внимание А.Л. Станиславский в своем исследовании. В частности, он отождествил (на наш взгляд абсолютно верно) атамана Михаила Шляка, проходившего по делу Баловнева в качестве свидетеля, с елецким атаманом Михаилом Антоновичем Шлыком, посланным в 1613 г. на Дон. Сделаем важное дополнение, что указанный атаман уже с 1592 г. значится в елецких документах⁷³. Д.А. Ляпин без приведения аргументации отождествлял атамана Михаила Ташлыкова с М.А. Шлыком, что на наш взгляд неверно⁷⁴. Однако и М. Ташлыков, и известный атаман Степан Савельевич Ташлыков, участвовавший в осаде Троице-Сергиевого монастыря, явно принадлежали к бывшим степным казакам, поселенным здесь до начала Смуты⁷⁵. Касательно Ельца также стоит вспомнить слова из десятины «государевой десятинной пашни» 1620 г., что этот город «по многие годы был в смуте и в непослушанье»⁷⁶.

Коснемся биографии еще одного заметного атамана эпохи Смуты – К. Миляева. Первые сведения о нем встречаем в комплексе документов из архива Яна Сапеги за 1608 г. Так, в октябре-ноябре этого года он с донскими казаками в Переславском уезде взыскивал «на царский

обиход вина горячего», причем в документе К. Миляев упоминается, как сын боярский⁷⁷. Затем информация о нем и казаках его станицы появляется в документах Печатного приказа⁷⁸. Данный атаман проживал в Ливнах, где в дозорной книге этого города за 1615/16 гг. его двор записан в Мокретском стане в деревне Чеснягу, а сам атаман числится в статусе сына боярского⁷⁹. Очевидно, данный чин он получил от Лжедмитрия II в 1607/08 г. «как верстан на Орле во 116-м году»⁸⁰, поскольку практически в самом начале 7116 г. самозванец появился в этом городе и находился там несколько месяцев, а сам К. Миляев далее упоминается как его сподвижник.

Ливенцами были и некоторые казаки его станицы. В описях Архива Оружейной палаты зафиксировано челобитье о кабаке и тамге 1613 г. «ливенцев Антона Иванова сына Головина и Артемья Романова сына Ветрова»⁸¹. В июле 1613 г. А.Р. Ветров бил челом государю об освобождении от печатных пошлин, при этом называл себя «козак Кондратьевы станицы Миляева»⁸².

Можем привести пример еще одного жителя Ливен – Иева Головина, который, скорее всего, также был в составе станицы К. Миляева. В той же ливенской дозорной книге 1615/16 гг. его двор записан в слободе беломестных казаков, в должности сотника данной казачьей группы. Вполне очевидно, что ливенская беломестная слобода, как и большинство подобных ей в «полевых» городах, сформировалась в начальные годы существования крепости, а значит можно смело утверждать о поселении И. Головина в Ливнах еще до Смуты. Дополнительным подтверждением этому может служить фраза из совместной челобитной К. Миляева и И. Головина 1613 г. с просьбой не брать печатных пошлин, потому что они «старую свою дачу справливоли»⁸³. В четвертиках запись об окладе И. Головина практически идентична с записью о К. Миляеве⁸⁴. Еще один ливенец замеченный в «подмосковной» службе – Иван Афанасьевич Воробьев, получивший в 1613 г. поместье в Ливенском уезде⁸⁵. Согласно дозорной книге г. Ливен в 1615–16 гг. его двор находился в деревне Орловой, которая была «за казаки», но на тот момент двор уже был пуст⁸⁶.

Касательно города Оскола, наиболее яркой фигурой здесь является атаман Парфен Денюхин и его станица. Согласно челобитной атамана от имени всей станицы (50 человек) в 1613 г. они в качестве своих заслуг называли службу под Москвой, причем на дату подачи челобит-

ной они служили там третий год «без съезду»⁸⁷. Один из казаков его станицы, белгородский казак, Иван Селиверстов в своей челобитной 1613 г. также указывал, что он служит третий год и участвовал в битве с польским гетманом Яном Ходкевичем⁸⁸. Таким образом, можно утверждать, что подмосковная служба для станицы П. Денюхина началась примерно в 1610 г. Согласно дозорной книге города Оскола 1615 г. основное место жительства беломестных казаков станицы П. Денюхина было с. Голубино. Однако часть дворов казаки имели в оскольской беломестной слободе. В 1629 г. уже сын П. Денюхина, Никита, от имени 30 голубинских казаков просил не переводить их на житье в г. Оскол. При этом атаман упомянул, что они с того момента, когда «литовские люди сидели на Москве» и до освобождения столицы служили с князьями Д.Т. Трубецким и Д.М. Пожарским «стояли под Москвою». После чего били челом «о диком поле, меж Оскола и Волуйки, о полянке Голубиной», которой их царь и пожаловал⁸⁹. Важным моментом здесь является то, что казаки сами выбрали себе место, которое, вероятнее всего, им было давно знакомо. Еще В.П. Загоровский в одной из своих работ выдвигал версию о принадлежности голубинских казаков к коренным оскольским, что в свою очередь мы также пытались подтвердить⁹⁰. В комментариях к изданной А.П. Никуловым дозорной книги г. Оскола автор также указывает на поселение здесь голубинских казаков еще до Смуты.

В 1613 г. царю Михаилу бил челом донской казак П.Ф. Прокудин о выдаче ввозной грамоты на его старое поместье в Оскольском уезде. При этом он сообщал, что служит под Москвой «третьей год, без съезду»⁹¹. Нетрудно заметить, что относительно срока подмосковной службы его слова перекликаются со словами казаков станицы П. Денюхина, но однозначно утверждать, что П. Прокудин также относился к данной станице, нет оснований. В дозорной книге г. Оскола 1615 г. он записан уже без указаний на казачье прошлое.

Один из казаков, посланных к Заруцкому от Земского собора, Василий Медведь (в 1615 г. числившийся уже атаманом), вероятно, в 1594 г. прибирал атаманов и казаков в Воронеже⁹². В 1613 г. об освобождении от печатных пошлин били челом царю донские казаки Василий Щетинин и Ломачка Желтухин «с товарищи 7 человек», в которой они указывали на царское жалованье: за «прежняе службишка, и за нынешнюю подмосковную службу <...> в откуп

на Дону речками»⁹³. В дозорной книге г. Воронежа 1615 г. в селе Собакино среди атаманских дворов фигурирует двор Ломаки Желтухина⁹⁴. Вполне очевидно, что он относился к воронежским беломестным казакам, и пожалование речками по Дону подразумевает откупные вотчины по течению этой реки.

Воронеж в событиях Смуты вообще играл важную роль. Неслучайно Лжедмитрий II после того, как почувствовал свое шаткое положение под Калугой, планировал в Воронеже сделать временную резиденцию, которую он приказал укрепить и прислать туда необходимые запасы⁹⁵. Мартин Заруцкий во время своей борьбы против правительственных войск направлялся в этот же город, где также небезосновательно рассчитывал получить поддержку среди местного населения. В некотором смысле так и произошло, когда к нему примкнули усманские и ступинские атаманы⁹⁶. Не исключено, что впоследствии часть усманских атаманов перешла на сторону правительственных войск. Так, в 1613 г. сделана запись об освобождении от печатных пошлин «Воронежского города» усманских атаманов Ивана Окатова, Филайки Прасолова и Никиты Цыблянского, «за их службу и кровь» пожалованных «белыми местами»⁹⁷.

Касательно белгородских бывших степных казаков конкретных фактов их участия в Смуте выявить пока не удалось, кроме атамана Первого ополчения Матвея Кирилловича с характерной фамилией Белгородцев⁹⁸. Однако по Белгороду у нас есть важные документальные свидетельства о роли местных жителей в событиях, связанных с движением Лжепетра и Лжедмитрия II. Так, в 1614 г. отставной вож Семен Телятников в доме священника Богоявленской церкви Ивана произнес слова в честь «тушинского вора»: «Здорова б ди был царь Дмитрей!» Естественно, это вызвало его арест и начало следствия по данному делу. Бывшего вожа попытались освободить его единомышленники, из которых назовем наиболее примечательных лиц: полковой сын боярский Мелентий Маслов, игумен Авраамий, священник Тимофей Воробей.

Первый из них имел непосредственное отношение к убийству белгородских воевод князя Петра Ивановича Буйносова и князя Василия Волконского⁹⁹. Подтверждение гибели второго из них мы находим в родословных росписях этой княжеской фамилии¹⁰⁰. Преданность М. Маслова была отмечена Лжедмитрием II – ему был передан юрт, принадлежавший станичнику

Якову Шиловскому. Дети умершего станичника попытались вернуть юрт в свое распоряжение, получив от лидеров Подмосковного ополчения соответствующие грамоты. Но М. Маслов указ бояр проигнорировал, что может свидетельствовать о непринятии им Подмосковного ополчения в качестве законной власти и о надежде на появление очередного «царя Дмитрия»¹⁰¹. И подобные чаяния были здесь не единичны. Так, например, белгородский сын боярский Григорий Уколов во время наказания за несвоевременную подачу воеводской грамоты по вышеуказанному делу стал «говарить воровския слова и неодинова: Пощадите де для царя Дмитрея!»¹⁰².

Другой фигурант дела, игумен Авраамий, был у Лжепетра «в Цареве городе в протопопех». Тимофей Воробей по словам белгородского воеводы Владимира Игнатьевича Татищева «ездил в прежней их завод в Киев по тушинского вора»¹⁰³. Об этом посольстве, прибытие которого в Киев И.О. Тюменцев относит к 20-м числам августа 1606 г.¹⁰⁴, сохранились упоминания как в официальных документах¹⁰⁵, так и в свидетельствах иностранцев¹⁰⁶. Николай Иванович Костомаров также упоминал попа Воробья, называя его путивльским, который привез Лжедмитрия II из Киева¹⁰⁷. К сожалению, нам не удалось установить использовавшийся им первоисточник, но явно речь идет об одном и том же белгородском священнике. Поскольку он наверняка направлялся в Киев через Путивль, то на этом этапе и могла возникнуть у историка путаница, посчитавшего его жителем вышеуказанной северской крепости. Н.И. Костомаров едва ли ни единственный ученый, кто рассматривал эту версию происхождения самозванца.

Связь приверженцев самозванцев с «полевыми» и северскими городами дополнительно подтверждают посольские документы. Так, в 1607 г. представителя правительства царя Василия Шуйского, возвращавшегося из Крыма посла Андрея Воейкова, взяли в плен «воры казаки» недалеко от г. Валуйки¹⁰⁸. Новый посланник, отправленный в апреле 1607 г., Степан Ушаков вынужден был пробираться сначала в Шацк, а оттуда в Крым, минуя «полевые» города: «а послов наших с нашими поминки и твоих гонцов не отпустили есмь к тебе, для того что мимо польские города от воров от казаков проехати им нельзя»¹⁰⁹.

О том, что войско в поддержку нового лжецаря формировалось в украинских городах, а не среди вольного казачества, говорит днев-

ник Марины Мнишек, где сделана интересная запись за 1 августа 1606 г.: «Пограничные крепости, начиная с Путивля, стали сдаваться. Вести были то о Петрушке, сыне государевом, то о Дмитриии, то о обоих вместе, что войско к ним пограничное (курсив наш – А.Ф.) собиралось, присягая и повинуюсь ему»¹¹⁰. Нечто подобное можно встретить и в сочинении Ж. Маржерета: «Некоторое время спустя после выборов сказанного Шуйского взбунтовались пять или шесть главных городов на татарских границах, пленили генералов, перебили и уничтожили часть своих войск и гарнизонов»¹¹¹.

Обратим внимание на еще один документ – грамоту Лжедмитрия II в Смоленск от 14 апреля 1608 г. В ней, в частности, он сетует на огромное количество появившихся самозванцев: «объявляются в Астрахани и в польских юртех многие царевичи Московского государства». Далее следует перечисление двух лжецаревичей из Астрахани и девяти из «польских» юртов¹¹². По нашему мнению под «польскими» юртами могла подразумеваться территория «полевых» городов, включая расположенные рядом промысловые угодья, находившиеся во владении казаков. Такое количество самозванцев, появившихся на «польской Украине», весьма красноречиво свидетельствует о расположении в этих крепостях главного центра протестного движения.

Казаки «полевых» городов приняли активнейшее участие в выборах Михаила Романова. «Повесть о земском соборе» 1613 г. так описывает их появление в столице: «Донских же и польских казаков въехал в Москву тогда сорок тысяч, а поборники по царствующему граду Москве и по православной вере христианской». Количество казаков здесь явно преувеличено, но указание на участие не только степного казачества здесь очевидно. Публикаторы документа предполагают, что название «полских» ошибочное и, возможно, здесь подразумевались волжские казаки. При этом авторы публикации отмечают такую же якобы путаницу в одном из списков «Сказания Авраамия Палицына»¹¹³. Стоит обратить внимание, что такая ошибка писцов наблюдается во всех известных списках «Повести о земском соборе». Правительство Василия Шуйского в дипломатических прениях с послами Речи Посполитой отрицало участие в походе первого самозванца волжских и терских казаков, соглашаясь при этом с участием в ней донцов¹¹⁴. Волжские казаки, очевидно, принимали участие в движении Лжепетра, но после того,

как он сам и его войско сдалось царским властям о значительной их численности к моменту начала Земского собора говорить нет оснований.

В событиях Смуты необходимо выделять, как минимум, два этапа казачьего движения. Первый из них приходится на период похода Лжедмитрия I, когда фиксируется участие в нем степного казачества в форме войска под командованием всего нескольких атаманов и затем приезд с Дона главного войскового атамана Смаги Чертенского. Второй этап начинается практически сразу после смерти Отрепьева, повлекшей распад и возвращение в Поле большей части казачьего войска, и последующее образование разрозненных станиц из представителей «ослуживившихся» казаков «полевых» городов. Отказ Войска Донского от участия в новом витке гражданской войны, очевидно, продиктован исключительно экономическими соображениями, поскольку царь Василий Шуйский сразу после своего восшествия на престол предусмотрительно отправил на Дон денежное жалованье казакам¹⁵. Большинство Войска понимало, что при условии продолжения смуты на последующие отправки жалованья из Руси можно будет забыть, а для существования вольницы оно являлось существенной помощью. Напротив, казаки поселившиеся в «полевых» крепостях хотели сохранить льготы предоставленные Лжедмитрием на 10 лет¹⁶.

Также следует разделять участие в Смуте степных и бывших вольных казаков, которые массово проживали в северских и «полевых»

городах. Нами изложено достаточно таких фактов, и в совокупности с нарративными источниками и записками современников они вполне могут свидетельствовать в пользу такой тенденции. Более того, в подавляющем большинстве исторических актов, где зафиксированы казачьи атаманы, нет четкого указания на их принадлежность к степному казачеству, иначе говоря, документы сообщают об атаманах, без приставки «донской», «волжский», «терский» или «яицкий». Встречаются и обратные случаи, когда в актах значится «донской» казак или атаман, который, на самом деле, являлся одним из членов служилой категории населения украинских городов. Таких примеров мы также привели несколько.

Документально подтвердить статус какого-либо атамана эпохи Смуты в качестве степного или бывшего степного достаточно сложно из-за отсутствия писцовых и дозорных книг конца XVI в. практически по всем «полевым» городам.

Благодаря соседству с территорией казачьих владений и особенностей первоначального заселения, «полевые» города и их жители сыграли одну из лидирующих ролей в гражданской войне начала XVII в. Испомещение в этих крепостях бывших степных казаков, активно проводившееся Борисом Годуновым (включая время номинального царствования Феодора Иоанновича) приняло крупные масштабы и впоследствии обернулось катастрофой для самого царя и для всей страны.

¹ Антонов А.В. Из истории нагодчины в рязанской земле // Русский дипломатарий. Вып. 4. М.: Археологический центр, 1998. С. 156–157, 273; Минников Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону, 1996. С. 479; Сторожев В.Н. Десятни XVI века // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. М., 1891. С. 252–325, 330–361, 362–459; Сухоруков В. Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1867. Т. I. С. 66; Юшков А.И. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. М., 1898. С. 243.

² Мацук М.А. Город Ливны и Ливенский уезд в 1615/16 году. Т. 1. Сыктывкар, 2001. С. 157–158.

³ Приходо-расходные книги казенного приказа // Русская историческая библиотека. Т. 9. СПб., 1884. С. 311; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15828. Л. 125–231.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 25. Л. Л. 54, 56, 87.

⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 50. Л. 7; Флоря Б.Н. Связи России с народами Балканского полуострова (первая половина XVII в.). М.: «Наука», 1990. С. 262–263.

⁶ Ракитин А.С. О казаках северских, оскольских, донецких, комарицких и прочих. URL: <http://sevsk32.ru> (дата обращения: 25.08.2023).

⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 50. Л. 16 об.

⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 6 д. Д. 52. Л. 13.

⁹ Глазьев В.Н., Тропин Н.А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах. Елец, 2001. С. 29–30; 45–46; 72–73; Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы; и о бывших потом в России мятежах, сочиненное онаго же Троицкого монастыря келарем Авраамием Палицыным. Издание второе. М., 1822. С. 14.

- ¹⁰ Глазьев В.Н., Тропин Н.А. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах. Елец, 2001. С. 40–41; 123–126; 173.
- ¹¹ Анпилогов Г.Н. Новые документы о России конца XVI – начала XVII вв. М.: Издательство МГУ, 1967. С. 400–402.
- ¹² Вейнберг Л.Б. Материалы для истории Воронежской и соседних губернии. Воронежские писцовые книги. Т. II. Воронеж, 1891. С. 5, 26.
- ¹³ Попов Н.А. Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. Т. I. Разрядный Приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб, 1890. С. 184 (Далее – АМГ. Т. I.).
- ¹⁴ Вейнберг Л.Б. Указ. соч. С. 1–141.
- ¹⁵ Сторожев В.Н. Воронежское дворянство по десятиям XVII века. Воронеж, 1894. С. 23–26.
- ¹⁶ Никулов А.П. Серия «Оскольские древности» (архивные материалы XVII века). Часть I. Оскольская дозорная книга 1615 года (текст и комментарии): документальные материалы. Старый Оскол: ООО «ТНТ», 2004. С. 12, 13, 15, 89–90.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 35. Л. 7.
- ¹⁸ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 15828. Л. 17–17 об., 104.
- ¹⁹ Там же. Л. 108 об.
- ²⁰ Там же. Ф. 210. Оп. 9. Д. 35. Л. 9.
- ²¹ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15828. Л. 119 об.
- ²² Там же. Л. 120.
- ²³ Там же. Л. 191, 194 об.
- ²⁴ Там же. Д. 15817. Л. 13 об.
- ²⁵ Там же. Д. 15828. Л. 136 об. – 140.
- ²⁶ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. С. 15.
- ²⁷ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 2. Д. 15817. Л. 21.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Мацук М.А. Указ. соч. С. 157–158.
- ³⁰ Борщик Н.Д. О некоторых проблемах изучения курских переписных книг XVII века // Вестник ВГУ: Серия «История, политология, социология». 2006. №2. С. 24–30.
- ³¹ Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. I. Уральск, 1911. С. 861.
- ³² Доманицкий В. Новый документ 1604 г. о Самозванце // Киевская Старина. К., 1899. Т. LXIV. №1, 1899. С. 13.
- ³³ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 4. М., 1912. С. 513.
- ³⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел [Текст]. Ч. 2: Служащая дополнением к первой. М.: в типографии Селивановского, 1819. С. 170.
- ³⁵ Pierling P. Rome et Demetrius. Paris, 1878. S. 204.
- ³⁶ Хроники Смутного времени. М.: Фонд Сергея Дубова. 1998 С. 299–300.
- ³⁷ Pierling P. Rome et Demetrius. Paris, 1878. S. 204–205.
- ³⁸ Письмо донских казаков Лжедмитрию от 15(25) ноября 1603 г. // Старина и новизна. 1911. Кн. 14. С. 413.
- ³⁹ Белокуров С.А. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. IV. М., 1912. С. 756.
- ⁴⁰ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1907. С. 42.
- ⁴¹ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Т. II. СПб., 1863. С. 173–175.
- ⁴² Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Приложение к Обзору хронографов русской редакции. М., 1869. С. 331.
- ⁴³ Новомбергский Н.Я. Слово и дело государевы: (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). Т. I. М., 1911. С. 12.
- ⁴⁴ Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства... СПб., 1771. С. 118–120.
- ⁴⁵ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1907. С. 8.
- ⁴⁶ Анпилогов Г.Н. О восстании в Среднем Поволжье и г. Осколе в 1606–1609 гг. // Вестник МГУ. Серия IX. История, № 2, 1969. С. 425–432.
- ⁴⁷ Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства... СПб., 1771. С. 119; Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Приложение к Обзору хронографов русской редакции. М., 1869. С. 331.
- ⁴⁸ Попов А.Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Приложение к Обзору хронографов русской редакции. М., 1869. С. 331.
- ⁴⁹ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1907. С. 83; ПСРЛ. Т. 14. Ч. 1. СПб., 1910. С. 74.
- ⁵⁰ Там же. С. 8.
- ⁵¹ Рогожин Н.М. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. Институт российской истории. М.: Наука, 2003. С. 229.
- ⁵² Тюменцев И. О. Елецкое восстание 1606 г. в истории Смуты // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 147.
- ⁵³ Рогожин Н.М. Указ. соч. С. 79–81.
- ⁵⁴ Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. СПб, 1888. С. 341.
- ⁵⁵ Попов А.Н. Указ. соч. С. 331.
- ⁵⁶ Хитрово В.Н. Приложение к Родословной книге рода Хитрово. Санкт-Петербург: Тип. В.Н. Майкова, 1867. С. 3–4, 361–362, 393.
- ⁵⁷ Тюменцев И.О. Елецкое восстание 1606 г. в истории Смуты // Quaestio Rossica. 2014. № 2. С. 147; Рогожин Н.М. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. Институт российской истории. М.: Наука, 2003. С. 149.

⁵⁸ Саблер Г. Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки императорского Юрьевского университета. №3. Юрьев, 1896. С. 16.

⁵⁹ Рогожин Н.М. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. Институт российской истории. М.: Наука, 2003. С. 138; Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 215.

⁶⁰ Рогожин Н.М. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. Институт российской истории. М.: Наука, 2003. С. 138; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. С. 293–294.

⁶¹ Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.). М.: Императорское общество истории и древностей Российских, 1907. С. 46–47; Акты Исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 2: 1598–1613. Санкт-Петербург: В тип. Экспедиции заготовления гос. Бумаг, 1841. С. 368.

⁶² Рогожин Н.М. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сборник документов. Институт российской истории. М.: Наука, 2003. С. 138; Дневник Яна Петра Сапеги (1608–1611) / Сост. И.О. Тюменцев, М. Яницкий, Н.А. Тупикова, А.Б. Плотников; Под ред. И. Граля, И.О. Тюменцева; Исторический институт Варшавского университета; Российский государственный архив древних актов. М.; Варшава: Древлехранилище, 2012. С. 69, 75.

⁶³ Гневушев А.М. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 2. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1918. С. 262; Белокуров С.А. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. IV. М., 1912. С. 414.

⁶⁴ Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / Перевод, примечания и вводная статья А.А. Морозова; перевод стихов В.А. Зоргенфрея. М.: ОГИЗ Гос. социально-экономическое изд-во, 1937. С. 153.

⁶⁵ Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606–1607 гг. Л., 1951. С. 124.

⁶⁶ Сергеев А.А. Посольство Амвросия Лодыженского и подьячего Петра Данилова в Крым в 1613 году (К 300-летию юбилею Царствующего Дома Романовых) // Известия Таврической Архивной Ученой Комиссии. Т. 50. Симферополь: Типография Таврического Губернского Земства, 1913. С. 28.

⁶⁷ Зимин А.А., Королева Р.Г. Новые материалы по истории восстания И.И. Болотникова. Документ разрядного приказа // Исторический архив. Т. VIII. М.-Л., 1953. С. 36.

⁶⁸ Никулов А.П. Указ. соч. С. 17.

⁶⁹ Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. Новочеркасск, 1867. Т. I. С. 78, 83.

⁷⁰ Сухотин Л.М. Четвертки Смутного времени. (1604–1617) // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 9. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1912. С. 323; Анхимюк Ю.В., Павлов А.П., Граля И. Осадный список 1618 г. / Памятники истории Восточной Европы, Т. VIII. М.-Варшава, Древлехранилище, 2009. С. 84, 254.

⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 18. Л. 106.

⁷² Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 215.

⁷³ Глазьев В.Н., Новосельцев А.В., Тропин Н.А. Российская крепость на южных рубежах: Документы о строительстве Ельца, заселении города и окрестностей в 1592–1594 годах. Елец: Изд-во Елецкого гос. ун-та, 2001. С. 41, 123–126.

⁷⁴ Ляпин Д.А. История Елецкого уезда в конце XVI–XVII веков. Тула, 2011. С. 17, 18.

⁷⁵ Сборник князя Хилкова: [документы по истории России XVI–XVII вв.] / [кн. Григорий Хилков]. СПб.: Тип. брат. Пантелеевых, 1879. С. 76–77.

⁷⁶ Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. Ч. 1. М., 1894. С. 266.

⁷⁷ Тюменцев И.О. Русский Архив гетмана Яна Сапеги 1608–1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. С. 185.

⁷⁸ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: (Столпцы Печатного приказа). М.: Синодальная тип., 1915. С. 49, 79, 85, 149–150.

⁷⁹ Мацук М.А. Указ. соч. С. 403.

⁸⁰ Сухотин Л.М. Четвертки Смутного времени. (1604–1617) // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 9. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1912. С. 49, 53.

⁸¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 33. Д. 49949. лл. 1–53.

⁸² Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: (Столпцы Печатного приказа) М.: Синодальная тип., 1915. С. 150.

⁸³ Там же. С. 149–150.

⁸⁴ Сухотин Л.М. Четвертки Смутного времени. (1604–1617) // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 9. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1912. С. 49, 54.

⁸⁵ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: (Столпцы Печатного приказа) М.: Синодальная тип., 1915. С. 142.

⁸⁶ Мацук М.А. Указ. соч. С. 194.

⁸⁷ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: (Столпцы Печатного приказа) М.: Синодальная тип., 1915. С. 138–139.

⁸⁸ Там же. С. 1–2, 23–24.

⁸⁹ АМГ. Т. I. С. 239.

⁹⁰ Фоминов А.В. К истории донецкого казачества // Старый Цейхгауз. 2014. №5(61). С. 89.

- ⁹¹ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: (Столпцы Печатного приказа) М.: Синодальная тип., 1915. С. 153–154.
- ⁹² Там же С. 6–7.
- ⁹³ Там же. С. 142–143.
- ⁹⁴ Список с Воронежских книг письма и дозору Григория Киреевского с товарищи лета 7123 году // Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. Т. II. Воронеж, 1891. С. 31.
- ⁹⁵ Записки Гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. С. 110.
- ⁹⁶ Станиславский А.Л. Челобитная Вельяминовых – источник по истории России начала XVII в. // Советские архивы, № 2. 1983. С. 39 (хотя в самой челобитной вместо «ступинских» употребляется выражение «соколовские» атаманы).
- ⁹⁷ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: (Столпцы Печатного приказа) М.: Синодальная тип., 1915. С. 208.
- ⁹⁸ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. С. 208.
- ⁹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 3. Л. 214.
- ¹⁰⁰ Волконская Е.Г. Род князей Волконских. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1900. С. 779.
- ¹⁰¹ Первые месяцы царствования Михаила Федоровича: (Столпцы Печатного приказа) М.: Синодальная тип., 1915. С. 64–65.
- ¹⁰² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 3. Л. 224–225.
- ¹⁰³ Там же. Л. 219.
- ¹⁰⁴ Тюменцев И.О. Смутное время в России начала XVII столетия: движение Лжедмитрия II. М.: Наука, 2008. С. 144.
- ¹⁰⁵ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 137: [Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 4, 1598–1608 гг.]. М., 1912. С. 352.
- ¹⁰⁶ Пирлинг П.О. Димитрий Самозванец: Конец дома Рюриковичей; Легенда об императоре; Апогей и катастрофа; Поляки в Кремле. М.: Сфинкс, 1911 (общ. тит. л. 1912). С. 400.
- ¹⁰⁷ Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. Т. 5: Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. Т. 2: Царь Василий Шуйский и воры. СПб.: издание Д.Е. Кожанчикова, 1868. С. 101.
- ¹⁰⁸ Гневущев А.М. Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) // Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг. Вып. 2. М.: Императорское общество истории и древностей российских при Московском ун-те, 1918. С. 243–244.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 263.
- ¹¹⁰ Дневник Марины Мнишек. М.: Дмитрий Булачин, 1995. С. 71.
- ¹¹¹ Буганов В.И., Лимонов Ю.А., Ревуненков Н.В., Шаскольская Т.И. Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М.: Институт истории РАН, 1982. С. 205.
- ¹¹² Бутурлин Д.П. История смутного времени в России в начале XVII века. Ч. II. СПб., 1841. Прим. С. 46–58.
- ¹¹³ Морозов Б.Н., Станиславский А.Л. Повесть о земском соборе 1613 г. // Вопросы истории, № 5, 1985. С. 94.
- ¹¹⁴ Белокуров С.А. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. 4. М., 1912. С. 351.
- ¹¹⁵ Донские дела. Кн. 1 / ред. В.Г. Дружинин // Русская историческая библиотека, изд. Археографической комиссией. Т. 18. СПб., 1898. С. 23.
- ¹¹⁶ Старина и новизна. М., 1911. Кн. 14. С. 264.